

МЕДИА

— Перспективны ли такие политики, как Навальный, Саакашвили, Порошенко?

— В нашей кислотной среде быть Навальным очень опасно, я считаю. То, что он рискует семьёй, у одних добавляет симпатии, у других — нет. Но я смотрю на его последние митинги и понимаю, что это сильно. Даже консервативный Омск 7 тыс. участников собрал. Алексей Анатольевич работает на эскалацию. Он бросает вызов. Спрашивал меня, будем ли освещать очередной митинг. Отвечаю, что мои люди всегда есть на митинге, мы освещаем. С вами что-то делают — мы освещаем. Но точно так же мы будем освещать и всё другое.

Саакашвили... Если смотреть на то, как он зашёл на Украину... Это цирк на конной тяге. Цирк и театр. Жириновский завидует.

Порошенко... Я украинскую политику вообще не понимаю. Но точно понимаю, что Порошенко опасен, не знаю, насколько далеко он может зайти.

— Как вы относитесь к муниципальным фильтрам?

— Как только Медведев упомянул про фильтр, я перед камерами сказал, что это политическое решение, а не юридическое. Он стал на меня орать, а на меня орать нельзя, я нервный и буйный. (Именно во время этой встречи Медведев предлагал Венедиктову сесть на его стул. С тех пор Венедиктов применяет этот метод по отношению к другим нервным и буйным — ред.)

Я точно не выступаю в защиту фильтра, но понимаю, что, не будь его, в Москве оппозиция не выиграла бы муниципальные выборы. Кандидаты дрались за фильтр, чтобы в 2018 году можно было отдать подписи за своего кандидата. Оппозиция даже взяла округ Тверской, где находится Кремль. На участке Путина все 12 кандидатов — от оппозиции, ни одного от партии власти. Путин впервые голосовал на выборах местного самоуправления. Он скрытный, не признался за кого, но сказал, что готовился, изучал биографию.

Я согласен с мнением, что молодые депутаты рискуют. Они под огромным давлением, под риском подкупа. Сейчас подкупают за 1,5 млн руб., чтобы проголосовали за конкретного председателя. Их запугивают. Это тяжёлая история, депутаты плавают в соляной кислоте. Ну, ребята, вы решили это сами.

— Вы им можете?

— Всё, что мы можем сделать, — освещать эту проблему. Мы это и делаем. Иногда бывает очень действенно. На пермский эфир мне позвонил человек из села Троица, начал говорить о проблемах: одной скотину не дают пасти, другие землю у реки захватывают. Я и села-то этого не знаю, но передал вашему губернатору, и он возьмёт под контроль. Он и в Москве этим отличался. Всегда проверял, вырабатывал позицию и давал ответ. Скоро набегут в ваше село чиновники, вы ещё взмолитесь, чтобы они убежали обратно.

В Кремле есть люди, которые считают, что фильтр нужно отменять. Только мне кажется, что нельзя постоянно менять правила игры.

— Нужно ли заставлять людей голосовать? Должны ли СМИ призывать идти на выборы?

— Я против введения обязательно-го голосования. Не государство, не медиа должны поднимать избирателей, а политики. Те, кто хочет избраться. Расскажу историю из 2013 года. Иван Мельников, кандидат в мэры Москвы от КППРФ, признался за чаем, что даже наблюдателей не смог набрать на все участки. Великая коммунистическая партия?! В Москве 3,3 тыс. участков, по

два наблюдателя на каждый. То есть они не нашли 7 тыс. наблюдателей в 12-миллионной Москве. Что за партия такая? Если не могут своих избирателей убедить, на фиг они вообще нужны?

На высококонкурентные выборы Собянин — Навальный в Москве пришли 36% избирателей, и, когда начинают чем-то возмущаться, я всегда говорю: вы — те 64%, что не пришли.

Недавний пример от ваших соседей. В Свердловской области реально разгрызались квартиры и машины для тех, кто придёт. Пришли 35%.

Люди не хотят, не верят, не доверяют.

— Как избиратель не могу добиться ответа: почему выборы назначены на сентябрь?

— А почему конь в шахматах прыгает через фигуры? Потому что такие правила. Спросите у Владимира Владимировича.

— Хочется не политика в губернаторы, а хозяйственника. Уже хочется не политики, а...

На высококонкурентные выборы Собянин — Навальный в Москве пришли 36% избирателей, и, когда начинают чем-то возмущаться, я всегда говорю: вы — те 64%, что не пришли

— ...А хочется компота. Москва — город политический, и мэр Москвы всегда будет политиком. У вас, я думаю, печальная история с мэром: то мэр, то сити-менеджер, то ещё кто-то... И, вы меня извините, не знаю, кто у вас был мэр или кто принимал решения, но что у вас напихано в районах! Мы смотрели с губернатором с 18-го этажа на город, и он говорит: «Вот смотри: здесь торчит район, здесь. Вот как развивать город?» У вас город развивается не инфраструктурно, дороги нельзя проложить, коммуникации не поменять. И не снесёшь застройку: люди уже живут, квартиры приватизированы.

— У нас нет архитектора... (Грустный голос из зала.)

— Я думаю, что Максим найдёт.

— Он будет возглавлять правительство?

— Я это знаю, но не скажу.

— Кто ваши любимые и близкие по духу собеседники?

— С близкими по духу мне не о чем разговаривать, с ними лучше молчать. А любимые собеседники — это те, кто активно реагирует даже на твою мимику. Некоторые придут и заводят, как шарманка, про антинародный режим, Геннадий Андреевич (Зюганов — ред.) к примеру. Миранов такой же. А Жириновский — реактивный! Обсуждали как-то тему аборт, он опаздывает, бежит по коридору и спрашивает: «Мы сегодня про аборт? Тебе как надо: чтоб я был за или против?» Садится в студии и сразу: «Я — против!»

Любимые собеседники — литераторы Дмитрий Глуховский, Катя Шульман. Очень тонкие. Знают больше тебя, но не дадут это почувствовать.

Очень люблю интервью с послевкусием. Недавно вёл эфир с послом США Тефтом. Рядовое, хорошо процитированное интервью о российско-американских отношениях. После него звонок: «Вас разыскивает президент Горбачёв». Я ему: «Здравствуйте», а он: «Что ты нес в своей передаче? Ты, Лёша, ни хрена не

шивает! По факту да, интервью с Путиным — это круто. Но само интервью не пойдёт, и я буду виноват, что не смог справиться с ним.

Я запросил интервью у Обамы. Интересно, что он будет говорить про Россию сейчас, будучи свободным?

— Если вас позовёт Юрий Дудь на интервью, согласитесь?

— Согласился бы, но с опаской. Дудь — это феномен, который я изучаю. Я не понимаю его химию. Я могу понять химию успеха Познера, Собчак, их я могу разложить на составляющие. А Дудь — опасное животное, его я ещё не разложил. Я могу выглядеть глупо. Как Ходорковский, который на интервью должен был объяснять то, что все уже знали. Если пригласит, то я пойду, но буду скучен.

— Будет ли переход «Эха Москвы» на YouTube?

— Мы начинаем развивать доставку сигнала «Эха Москвы» посредством видеоканала YouTube. Вы можете видеть почти все передачи. Получаем благодарности, особенно из тех городов, где нет вещания или местное «Эхо» нас перекрывает. Но пока я не очень доволен. Я бы всех пристрелил, кто навязал мне этот YouTube! Шутка... Это такая морочка! Каждый день у меня начинается с того, что я приезжаю на работу, а сотрудники стоят с мрачными лицами и мрачно говорят: «У нас не тянет провод». У меня сейчас эфир, слева Путин, справа Трамп, а у них «свет не тот»!

YouTube — это отдельный носитель, и мы будем создавать для него отдельный контент.

В качестве примера нового контента Венедиктов привёл «Дилетантские чтения», которые пройдут в Екатеринбурге 30 сентября: «Евгений Ройзман дал музейную комнату под это мероприятие, всего на 45 человек. Хотели с Ельцин-центром договориться, но не смогли».

Герой встречи — Владимир Соловьёв. «Не тот, на которого вы подумали, — остудил ажиотаж зала Венедиктов, — а следователь Соловьёв, который нашёл царские кости».

Пермь тоже рассматривается как возможная площадка для творческих встреч авторов журнала и ведущих «Эха Москвы»: «В современную эпоху необходимо прямое общение. Не только с главным редактором, который вам бубнит про то, как надо развивать радио, но и с людьми, которых вы слушаете».